
Г.О. Бабкова

**Понятия *кriminalный* и *уголовный*
в проектах по обновлению уголовного права
и процесса Екатерины II***

Зимой 1774/75 г., просматривая выполненный Григорием Васильевичем Козицким перевод проекта «Преступнического или розыскного суда, по которому судебные места, производящия сии суды поступать должны»¹, Екатерина II последовательно заменяла словом *уголовный* слово *преступнический*, а также сочетание *преступнический или розыскной*². В окончательном варианте планировалось «объявить народу» о «производстве уголовного суда порядок, по которому должны непременно поступать все те судебные места, коим уголовные дела поручены»³.

Проект «Criminal-Prozess-Ordnung» был составлен Фридрихом Бемером⁴. Бемер поступил на русскую службу в 1771 г. и был назначен вице-президентом юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел. Рескриптом от 23 апреля 1771 г. Екатерина II предписывала вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну пригласить Бемера на службу в ответ на письмо последнего к графу Владимиру Григорьевичу Орлову от 18 марта того же года⁵. В октябре 1772 г., отвечая на просьбу императрицы, Бемер направил ей свои предложения по рефор-

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0080 в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–31; Беловая авторизированная Екатериной II редакция: РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 5. Л. 1–54 об.

² См.: «об определении судей по преступническим или розыскным (уголовным – рукой Екатерины II) делам»; «преступническому (уголовного суда – рукой Екатерины II) судье»; «преступнические (уголовные – рукой Екатерины II) суды» и т.д. (РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 5. Л. 8–9 об.)

³ Там же. Л. 8.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. V.

⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 276. Л. 1; СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 81.

мированию судопроизводства (“la réforme de la procédure judiciaire”). В феврале 1774 г. через Сергея Матвеевича Козьмина государыня снова обратилась к Ф. Бемеру с предложением составить «la forme du procès criminal»⁶. К ноябрю 1774 г. проект был готов: 3 ноября императрица поручила своему секретарю Г.В. Козицкому перевести его на русский язык⁷. 9 декабря 1774 г.⁸ перевод был завершен и передан государыне, которая внесла в него ряд правок, в первую очередь касавшихся слова *уголовный*⁹.

Подобного рода замены Екатерина II делала не впервые. В подготовительных материалах к обнародованному 8 апреля 1768 г. «Начертанию о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» императрица также использовала слово *уголовный*: в данном случае вместо прилагательного *криминальный*¹⁰. Примечательно, что в «Начертании...» Екатерина II впервые в ее законодательных разработках, касавшихся уголовно-процессуальной сферы, употребила как термин *уголовный*, так и генерализующее поле уголовных (в современном смысле этого слова) деликтов словосочетание *уголовное дело*. Как предыдущие акты екатерининского царствования¹¹, так и основные действовавшие в первой половине XVIII в. источники уголовного права (Соборное уложение 1649 г., Новоуказные статьи 1669 г., «Артикул воинский» 1714 г., «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» 1712 г.¹²) артику-

⁶ СИРИО. Т. 13. С. 385.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. V; Омельченко О.А. «Законная монархия Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России». М., 1993. С. 288 (примеч. 21); Он же. Власть и закон в России XVIII в. Исследования и очерки. М., 2004. С. 218–219.

⁸ «Перевод сей, на 108 страницах писанный, представлен Ея Величеству Декабря 9 дня... 1774 года» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 193. Л. V).

⁹ Собственно ручные правки Екатерины II см.: РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 5. Л. 2, 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 25 и т.д.

¹⁰ Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II для Законодательной комиссии 1767–1774 гг. // Русский архив. 1917. Кн. 2/3. С. 9.

¹¹ См.: ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11750; Т. 17. № 12455, 12560–12561, 12600, 12664 (п. 10), 12669, 12703, 12681 и т.д.

¹² См.: Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки могли чинитьца по-рядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскно-

лировали повеления верховной власти в традиционных для российского законодательства понятиях — *вина, воровство, злодейство/злодеяния, разбойные, убийственные, матиные/матебные дела, преступление*¹³. В отдельных случаях могло использоваться словосочетание *кriminalное дело*¹⁴. Этим же набором понятий оперировали и составители проектов в уложенных комиссиях первой половины XVIII в. Анализ законодательных актов, регулировавших область гражданских и военных правоотношений («Уложение или право поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам» фельдмаршала Б.П. Шереметева 1702 г.¹⁵, «Устав прежних лет» 1700–1705 гг.¹⁶, «Артикул краткий» 1706 г.¹⁷, «Инструкция генерал-гевал-

го» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. Р. 21–26; Бабкова Г.О. «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750–1760-х гг. / Препринты. Высшая школа экономики. Сер. WP19 «Исторические исследования». 2012. № 4. С. 11–22. О датировке «Артикула воинского» и «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» см.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 133–134; Он же. Из истории военного законодательства в России XVIII века: «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (Разыскания о внешней истории текста) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Тр. третьей междунар. науч.-практ. конференции. СПб., 2012. Ч. 3. С. 180–186; Он же. Забытые редакции «Артикула воинского» и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (Из истории кодификации военного законодательства в России XVIII века) // *Lex Rossica*. 2013. № 2 (Т. LXXV). Февраль. С. 113–121.

¹³ Бабкова Г.О. Личные преступления в проекте Уголовного уложения Екатерины II. К вопросу о становлении юридической терминологии в России второй половины XVIII в. // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. / Науч. ред. А.И. Миллер, Д. Сдвинков, И. Ширле. М., 2012. Т. 1. С. 176–178.

¹⁴ См.: ПСЗРИ. 1. Т. 17. № 12424, 12543, 12606; Сенатский архив. СПб., 1909. Ч. XIII. Протоколы Правительствующего сената по секретной экспедиции 1764 и 1765 гг. Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль–декабрь 1763 г. и январь 1764 г. С. 151, 247, 430.

¹⁵ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 269–294.

¹⁶ Мышилаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции. (Изданные до 1715 года) // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1894. Вып. IX. С. 1–45.

¹⁷ Розенгейм М.П. Очерки истории... С. 294–313; Мышилаевский А.З. Петр Великий. С. 51–74.

дигеру» 1711 г.¹⁸), а также законопроектов, составленных в уложенных комиссиях 1720–1740-х гг. и 1754–1766 гг. («О процессе в криминальных или розыскных и пыточных делах»¹⁹, «О удержании в малых дела пыток»²⁰, «О розыскных дела и какия за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены»²¹), позволяет с высокой степенью вероятности утверждать, что в XVIII в. «Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» стало первым законодательным актом, в котором было употреблено слово *уголовный*²².

В разработке «Начертания...» активную роль играли директор дневной записки Уложенной комиссии 1767–1774 гг. граф Андрей Петрович Шувалов, а также его консультант Семен Ефимович Десницкий²³. Граф А.П. Шувалов представил «общий план государственных законов», который затем был тщательно переработан Екатериной II и сохранился под названием «опыт плана всему тому, о чем в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения господам депутатам трудиться должно»²⁴. Со сво-

¹⁸ Мышиаевский А.З. Петр Великий. С. 75–81. Выражая глубокую признательность Дмитрию Олеговичу Серову, указавшему мне на данные материалы.

¹⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2.

²⁰ Там же. Д. 37. Ч. I.

²¹ Проекты Уголовного Уложения. 1754–1766 гг. / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882.

²² Данное наблюдение подтверждает анализ словарной статьи «уголовные дела» «Словаря юридического» М.Д. Чулкова. Указывая, что «в татьях и разбоях без поличного и проч. судить в Гражданском, а когда найдется виноватым в Уголовном суде», Чулков ссылается на ст. 49 гл. XXI Соборного уложения 1649 г. и указ от 3 мая 1725 г. Последний давал разъяснения касательно 5 пункта указа «О форме суда». Далее следовала ссылка на именной указ от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов». Из трех упомянутых законодательных актов словосочетание *уголовные дела* использовалось только в последнем (См.: Чулков М.Д. Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы. Часть первая по алфавитному порядку. М., 1793. С. 722; Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 3 / Под общ. ред. О.И. Чистякова; ответ. ред. тома А.Г. Маньков. М., 1985. С. 238; ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4713; Т. 21. № 15147).

²³ Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 144–145; Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II... С. 2–32.

²⁴ Цит. по: Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II... С. 2. А.В. Флоровский детально проанализировал степень влияния «плана»

ей стороны С.Е. Десницкий передал Екатерине II «Представление об учреждении законодательной, судильной и наказательной власти в Российской империи»²⁵.

Касаясь вопросов уголовного права и процесса, как граф А.П. Шувалов, так и С.Е. Десницкий использовали слово *кriminalnyy*. Так, в разд. II «Представления...» «Судильная власть» С.Е. Десницкий употребляет данный термин 9 раз в следующих сочетаниях: «генералы-судьи тяжебных и криминальных дел»; «генеральные криминальные судьи», «тяжебные и криминальные дела», «криминальные дела», «дела криминальные и тяжебные», «суд криминальный и тяжебный», «криминальные и смертоубийственные дела»²⁶. Граф А.П. Шувалов в «составе II» «О управлении правосудия вообще» (в окончательном варианте «Начертания...» — «О установлении правосудия вообще») писал о «материи гражданской и материи криминальной» как началах, «принаследжающих» правосудию²⁷. Екатерина II во всех случаях заменила данное словосочетание на «дела гражданские и уголовные»²⁸. Всего связка *уголовное дело* фигурирует в «Начертании...» 6 раз. Во всех случаях она фиксируется в «Составе II. О Установлении правосудия вообще

графа А.П. Шувалова на черновые и беловой варианты «Начертания...». Он, в частности, ссылался на т. II «сохранившегося в Сенате собрания бумаг Екатерины II, касающихся Законодательной Комиссии» (Там же). На данном этапе разыскания в РГАДА в фондах 10 «Кабинет Екатерины II и его продолжение», 16 «Внутреннее управление», 248 «Сенат и его учреждения» и 342 «Комиссия о сочинении уложения» не позволили выявить указанные материалы. Поиски будут продолжены.

²⁵ Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судильной и наказательной власти в Российской империи. С четырьмя приложениями // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1905. Т. VII. № 4. С. 3–45. Опубликовано также: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 1. С. 294–332.

²⁶ Десницкий С.Е. Представление. СПб., 1905. С. 9–13.

²⁷ Цит. по: Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II... С. 9.

²⁸ Екатерина II. Избранное / [Автор вступ. ст. А.Б. Каменский, сост. и автор коммент. Г.О. Бабкова]. М., 2010. С. 268–282.

ще»²⁹. В политico-правовых проектах второй половины 1770-х–1790-х гг. («Уголовное уложение», «Порядок исследования и суда уголовного дела», «О тюрьмах», «О Сенате», «О узаконениях вообще», «Наказ Сенату» и т.д.³⁰) посредством понятия *уголовный* Екатерина II определяла как область преступных посягательств на закон, так и различные уровни судебных инстанций, занимавшиеся расследованием дел подобного рода³¹.

Указанная тенденция актуализирует ряд проблемных полей, связанных со становлением юридико-правовой терминологии в России второй половины XVIII в. Во-первых, требует разъяснения набор смысловых значений, вкладывавшихся в понятия *кriminalный* и *уголовный*. Во-вторых, представляется необходимым уяснить причины отказа императрицы от слова *кriminalный* и его постепенного вытеснения на периферию законодательного и законопроектного дискурсов. В более широком контексте встает вопрос о связи терминологических новаций с мо-

²⁹ «должно различать... дела гражданские и дела уголовные»; «обряд управления правосудия в гражданских, равно как и в уголовных делах, принадлежит ко праву общему»; «порядок производить какое-нибудь дело в суде, гражданское или уголовное»; «в деле уголовном два рода истцев»; «особенный человек бывает истцем в деле уголовном»; «по одному только делу гражданскому, которое смешалось с уголовным» (*Екатерина II. Избранное*. С. 271, 273–274).

³⁰ См.: Там же. С. 370–448, 451–468, 471–498, 556–596, 614–633, 634–658. Исключение составляет проект Екатерины II «Криминальной главы материала» (до 1775 г.) // Там же. С. 365–369. Это, однако, не означает, что императрица не использовала слово *кriminalный* вне пределов законодательного и законопроектного дискурсов. См., к примеру, записку Екатерины II «О совместном суде в войске Донском» (после 7 ноября 1775 г.) (Там же. С. 356).

³¹ Так, к примеру, в собственноручном проекте «О Сенате», над которым Екатерина II вела работу во второй половине 1780-х – начале 1790-х гг., слово *уголовный* используется 53 раза в следующих сочетаниях: «уголовные дела» (ст. 15, 20, 22, 69, 73); «уголовное преступление» (ст. 16–17, 100); «уголовный суд», «верхний уголовный суд» (ст. 16, 73, 86–89, 91, 114); «уголовный департамент» Сената (ст. 16); «палата уголовного суда» (ст. 19, 22, 107); «стярчий уголовных дел», «уголовный стярчий» (ст. 19, 45, 52–54, 73, 75, 100, 103); «законы по части уголовной» (ст. 21); «уголовное уложение» (ст. 92); «уголовная вина» (ст. 100); «уголовный закон», «уголовный закон и обряд» (ст. 108–109); «обряд уголовных дел» (ст. 108) (См.: Там же. С. 556–596).

дернизаціонними процесами, маркуючими розвиток уголовного права в Росії єкатерининського царства-³²: наскільки появлення нових або надання новими змісами уже існувавших понятийних конструкцій свідчилось про трансформацію обозначеної області права і яким був характер даної трансформації.

I

«Словарь русского языка XVIII в.» относит первое употребление слова *кriminalный* к 1723 г.; с 1705 г. фиксируется форма *кремени-*, с 1721 г. — *крем-*.³³ Слово *кriminalный* имеет польско-украинские корни (наряду с *кriminalist* (1714 г.)³⁴ и *кriminal* (1714 г.))³⁵). СлРЯ приводит три значения слова *кriminalный* в XVIII в.: 1) «связанный с уголовным правом, с расследованием уголовных преступлений»; 2) «относящийся к уголовным преступлениям, являющийся таковым преступлением»; 3) «совершивший уголовное преступление»³⁷. Таким образом, спектр значений и сферы бытования термина связаны с уголовными delictum (в современном смысле), т.е. правонарушениями, влекущими за собой уголовную ответственность. Открытым, однако, остается вопрос о том, какой смысл вкладывали в данное слово современники, каким образом они «переводили» вновь появившийся термин на язык действовавшего законода-

³² См.: Омельченко О.А. Власть и закон. С. 142–179; Он же. «Законная монархия». С. 293–303.

³³ СлРЯ XVIII. Вып. 11. Крепость – Льняной. СПб., 2000. С. 17.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Как представляется, возникновение данного термина было одним из проявлений полонизации русского юридического, а в более широком контексте — делового языка, испытавшего «во второй половине XVII и первой половине XVIII в. глубочайшее влияние языка Юго-Западной Руси, которое распространяется на все языковые уровни» (Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Развыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 254, сноска 64).

³⁷ СлРЯ XVIII. Вып. 11. С. 17. Соответственно: *кriminalist* — «уголовный преступник»; *кriminal* — «уголовное преступление» (Там же).

тельства и права, особенно учитывая тот факт, что слово-сочетание *уголовное преступление* входит в политико-правовой дискурс не ранее 70-х гг. XVIII в. Более подробно речь об этом пойдет ниже.

Петр I в гlosсах к «Генеральному регламенту» 1720 г. дает следующий эквивалент слову *кrimинальный* — «вина, подлежащая смерти»³⁸. Глава VI «О даче голосов» устанавливала ответственность «за непорядочное» голосование при обсуждении различных вопросов в коллегиях. Три вида санкций в зависимости от типа дела грозили коллежским членам, отказывавшимся «правдивым голосам... последовать» из-за «упрямства или неправды». Во-первых, штраф в случае «розыскного какого дела». Во-вторых, возмещение денежных потерь, «буде государственное дело, убытку только денежному принадлежащее». В-третьих, «ежели... *кrimинальное* (курсив мой. — Г.Б.), то також *кrimинально* (курсив мой. — Г.Б.) наказаны будут по важности» преступления. Следовательно, *кrimинальное* дело отмежевывалось от государственных дел финансового характера и *розыскных дел* и каралось смертной казнью. Однако по действовавшему в первой половине XVIII в. законодательству указанные виды преступных деяний также могли повлечь за собой высшую меру наказания³⁹. Данная гlosса, таким образом, не позволяла адекватно вписать переводимую «инострannую речь» в действовавшую систему права.

В результате слабо освоенное или «неосвоенное заимствование»⁴⁰ оказывалось на периферии законодательного дискурса. К примеру, сплошной просмотр законодательных актов за 1723 г. не позволил выявить ни одного употребления слова *кrimинальный*⁴¹. Как представляется, полем, где происходила постепенная адаптация ново-

³⁸ ПСЗРИ 1. Т. 6. № 3534.

³⁹ См., к примеру: ПСЗРИ 1. Т. 5. 2707, 2871; Т. 7. № 4270 и т.д.

⁴⁰ Жигов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики раннего нового времени. М., 2009. С. 14.

⁴¹ См.: ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4137–4404.

го термина, стали в первую очередь уложенные комиссии петровского времени и последующих периодов. В силу специфики своей деятельности и поставленной перед ними задачи⁴² они занимались не только законотворчеством, но и активно переводили зарубежные источники права⁴³, пытаясь соотнести иную понятийную реальность с уже привычными терминами. Составленный в уложенной комиссии 1720–1727 гг. проект «О процессе в криминальных или розыскных (курсив мой. – Г.Б.) и пыточных делах» отождествлял *розыскные и криминальные дела*⁴⁴. Тем самым последние встраивались в существующую градацию преступных деяний, приобретая понятный современникам смысл.

Указанный процесс был длительным. Так, 9 августа 1739 г. Сенат рассматривал проект «О удержании в малых делах пыток», представленный из Уложенной комиссии⁴⁵. Автором проекта и фактическим главой данной комиссии был обер-секретарь Сената Авраам Степанович Сверчков. В пакете бумаг, сопровождавших законопроект, содержалась «справка», сделанная «при сочинении уложения». В ней, в частности, указывалось, что Уложенная комиссия должна составить «особливую книгу», трактующую о том, «каким образом в криминальных (т.е. розыскных и пыточных) делах поступать»⁴⁶.

⁴² В 1718 г. по указу Петра I «кодификационная деятельность», которая была возложена на Юстиц-коллегию, должна была состоять в сведении вновь создаваемого кодекса и шведского «устава» (Серов Д.О. Судебная реформа. С. 389–395). См. также: ПСЗРИ 1. Т. 5. № 3197, 3201, 3202, 3207, 3463.

⁴³ В 1718–1727 гг. в рамках работы над новым уложением привлекались и переводились следующие источники зарубежного права: шведские – Уложение Кристофера 1442 г., королевский декрет о суде 1614 г., Устав о наказаниях 1669 г., Процессуальный устав 1695 г.; датские – Уложение Христиана V 1683 г. (Серов Д.О. Судебная реформа. С. 390, 395). С 1722–1723 гг. к работе в Уложенной комиссии привлекалось девять переводчиков (См.: Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. – памятник отечественной политico-правовой мысли // Замуруев А.С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 358–359).

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2.

⁴⁵ Там же. Д. 37. Ч. 1. Л. 17 об.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

(курсив мой. — Г.Б.). Таким образом, еще в конце 1730-х гг. для членов как комиссии, так и Сената требовалось специальное пояснение, что означает слово *кriminalный*. Спектр его коннотаций, как отмечалось выше, восстановливался через обращение к традиционному для русского права понятию *розыскных дел*.

Та же синонимия присутствует в делопроизводственных материалах Уложенной комиссии 1754—1766 гг. Один из результатов ее деятельности — проект «О розыскных делаах и какия за разныя злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены»⁴⁷, который должен был стать четвертой «книгой» нового уложения⁴⁸. В протоколах комиссии указанная книга называлась «*креминальная*» часть⁴⁹, в то время как в итоговом варианте принято было «*О розыскных делаах...*».

Параллельно освоение нового языка права происходило в рамках «теоретического» направления «русской юридической школы», становление которой относят ко второй трети — середине XVIII в. Однако специфика ее развития, характеризующаяся, с одной стороны, активной «рецепцией западноевропейской науки», а с другой — фактическим «игнорированием» обработки действующего положительного права, привела, как писал Г.С. Фельдштейн, к появлению «непроходимой пропасти» между теоретическим и практическим направлениями юриспруденции. Пребывающая в становлении наука уголовного права оказывала минимальное влияние на процесс выработки законодательных постановлений⁵⁰. В результате новый правовой лексикон, во-первых, не «занял монопольного положения» в уголовно-процессуальной сфере, а во-вторых, практически

⁴⁷ Проекты Уголовного Уложения. 1754—1766 гг. / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882.

⁴⁸ ПСЗРИ 1. Т. 14. № 10283.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 41. Кн. II. Л. 44 об., 63.

⁵⁰ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. Гл. II: Русская юридическая школа XVIII в. и ее первые теоретики. Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/>, свободный (дата обращения 12.02.2014).

не «распространился на другие секторы общества»⁵¹, которое продолжало оперировать привычными для русского права терминами и понятиями.

Авторы наказов в Уложенную комиссию 1767–1774 гг., источника, наиболее близкого по времени создания к «Начертанию...» (1768 г.), не используют языковые новации, выражая «нужды и недостатки каждого места»⁵² в привычных для уголовно-процессуального дискурса оборотах: «розыскные дела»⁵³, «злодей» / «злодеи» (как родовое определение для преступных субъектов)⁵⁴, «розыск» (как следствие)⁵⁵, «розыск» (как пытка)⁵⁶, «воровство» (как преступление)⁵⁷; «злодейство» / «злодеяние» (как родовое понятие преступных деяний)⁵⁸. Из 43 проанализированных наказов⁵⁹ только в двух случаях фиксируется употребление словосочетания *криминальные дела*. Пункт 1 наказа от дворян Веневского уезда предлагал учредить в уездах должность ландрата, имеющего право производить разбирательства «словесно», но «кроме криминальных дел»⁶⁰. В п. 10 наказа от дворянст-

⁵¹ Живов В.М. История понятий. С. 13.

⁵² ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12801.

⁵³ СИРИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 325; СПб., 1889. Т. 68. С. 490–491, 615.

⁵⁴ Там же. Т. 4. С. 332, 341, 360, 377; СПб., 1871. Т. 8. С. 561; СПб., 1875. Т. 14. С. 265, 291, 292, 329, 347, 351–352, 376, 479; Т. 68. С. 13–14, 38, 117, 406–407, 417–419, 453, 478, 523–525, 531, 615.

⁵⁵ Там же. Т. 8. С. 529; Т. 68. С. 490–491.

⁵⁶ Там же. Т. 8. С. 561; Т. 68. С. 10, 30, 117, 417, 453, 471, 490, 491.

⁵⁷ Там же. Т. 68. С. 453, 478, 531, 652.

⁵⁸ Там же. Т. 4. С. 361, 374, 377; Т. 14. С. 265, 291, 347, 352, 479–480; Т. 68. С. 117, 418, 453, 478–479, 525, 653.

⁵⁹ Были просмотрены наказы от дворянства следующих уездов: Алаторского, Алексинского, Белевского, Белозерского, Боровского, Болховского, Веневского, Верейского, Волоколамского, Дедиловского, Чернского, Дмитровского, Елецкого, Епифанского, Ефремовского, Юрьев-Польского, Казанского, Карабинского, Каширского, Клинского, Козловского, Крапивенского, Кромского, Малоярославецкого, Мценского, Московского, Можайского, Обоянского, Одоевского, Опочского, Орловского, Пензенского, Псковского, Рузского, Серпуховского, Тарусского и Оболенского, Свияжского, Синбирского, Трубчевского, Тульского, Чухломского, а также Обонежской пятини, Шелонской пятини, Бежецкой пятини.

⁶⁰ СИРИО. Т. 4. С. 340.

ва Ефремовского уезда содержалась ссылка на именной указ от 11 февраля 1763 г.⁶¹, «которым велено по криминальным делам колодников более месяца не держать»⁶².

В екатерининском «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», в рамках которого впервые были четко сформулированы основные положения уголовно-правовой доктрины царствования⁶³, слово *криминальный* употребляется 5 раз (во всех случаях это калька с французского языка⁶⁴) в следующих сочетаниях:

Ст. 142 — *криминальный суд* (*Jugemens criminels*). Название гл. X «Об обряде криминального суда»⁶⁵.

Ст. 152 — *криминальное дело* (*une affaire criminelle*) — резко ограничивала право судьи толковать законы, строго предписывая решать «криминальные дела» посредством «силлогизма или сорассуждения», включающего три составные части: «общий закон», совершенное «действие», «оправдание или наказание обвиняемого»⁶⁶.

Ст. 191 — *в делах криминальных* (*procès criminels*) — предлагала установить ответственность за отказ от дачи показаний. Санкция не должна была налагаться, если, во-первых, отсутствовали сомнения в том, «что обвиняемый учинил точно преступление, которое ему в вину ставят», во-вторых, существовали «другие неоспоримые доказательства», подтверждающие вину. «Последний случай»

⁶¹ Именной указ был обнародован 10 февраля 1763 г. (ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11750).

⁶² СИРИО. Т. 68. С. 470.

⁶³ См.: Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 293–295; Фельдштейн Г.С. Уголовно-правовые идеи «Наказа» и их источники // Юридические записки. Ярославль, 1908. Вып. 2. С. 281–330.

⁶⁴ Как известно, авторский текст «Наказа» был написан Екатериной II к весне 1766 г. на французском языке. Перевод осуществляли секретари императрицы: в первую очередь Г.В. Козицкий, а также С.М. Козьмин и Н.Н. Мотонис. Как указывает О.А. Омельченко, «императрица до трех раз просматривала перевод, внося в текст редакционные правки» (Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 81). Данный факт позволяет с высокой долей вероятности утверждать, что смысл, вкладывавшийся в «Наказе» в понятие *криминальный*, близок его пониманию императрицей.

⁶⁵ Екатерина II. Избранное. С. 130.

⁶⁶ Там же. С. 131.

полагался императрицей в качестве «обыкновенного», поскольку «опыты» свидетельствовали, «что по большой части в делах криминальных виноватые не признаются в винах своих»⁶⁷.

Ст. 467 — *законы криминальные* (*les loix criminelles*), перефразируя «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, напрямую увязывала «вольность граждан» с «изяществом законов криминальных». В статье отмечалось, что наибольшее «нападение» эта вольность «претерпевает» от «обвинений судебных и сторонних»⁶⁸.

Ст. 468 — *криминальные законы* (*les loix criminelles*) — утверждала необходимость четкого разграничения двух сфер законодательства — «криминальных законов» и тех, что регулируют «судебный порядок»⁶⁹.

Термин *криминальный*, таким образом, в сочетании *криминальные дела* использовался в двух значениях: во-первых, для обозначения деяний, влекших за собой высшую меру наказания, во-вторых, как один из родовых концептов для определения преступных актов. Соответственно, *криминальный* суд подразумевал инстанцию, расследующую *криминальные дела*, а *криминальные законы* — государственно-правовое регулирование данной области права. В рамках уголовно-правового узуса фиксируемая синонимия *криминальный* в сочетании *криминальное дело* и *розыскной* в сочетании *розыскное дело*, с одной стороны, позволяла «переводить» указанное словосочетание на язык действующего права, а с другой — становилась одной из причин его периферийности.

Указанные характеристики наряду с ясно обозначенным в политико-правовой доктрине екатерининского царствования набором требований, предъявляемых к закону как основному инструменту модернизации и трансформации общества⁷⁰, стали одной из причин последо-

⁶⁷ Екатерина II. Избранное. С. 137.

⁶⁸ Там же. С. 171.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Омельченко О.А. Власть и закон. С. 51.

вательного отказа императрицы от использования слова *кriminalnyy*, на смену которому в контексте законодательного и законопроектного дискурсов приходит слово *уголовный*.

II

В гл. XIX «Наказа» «О составлении и слоге законов» Екатерина II настаивала на том, что «всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех» (ст. 448)⁷¹. Доходчивость языка права выходила далеко за рамки простой функциональности: эффективность всей системы правосудия ставилась в зависимость от понятности и языковой прозрачности законодательных конструкций. Не «смыслом или разумом» закона должен был руководствоваться судья, вынося итоговую сенкцию в *кriminalnyx* делах, а «словами», «непременным гласом закона». Отход от указанного принципа имел целый ряд негативных последствий и мог привести в итоге к коллапсу всю систему судопроизводства. «Обманчивое непостоянство самопроизвольных толкований» ставило «судьбу», «жизнь» и «вольность» гражданина в зависимость от судейского произвола, «от ложного какого рассуждения или от дурного расположения... судии» и не способно было гарантировать тождественность санкций за схожие правонарушения (ст. 152–154)⁷². По сути, гражданин лишался «спокойства духа», которое в самодержавном правлении приравнивалось к «государственной вольности» и трактовалось как возможность «наслаждаться собственной безопасностью». Вместо того чтобы «бояться» четких и понятных законов, ясно определяющих последствия за совершение или не совершение того или иного действия, подданные начинали бояться друг друга (ст. 39)⁷³. Это ставило под вопрос само существование государства как «собрания людей», жи-

⁷¹ Екатерина II. Избранное. С. 169.

⁷² Там же. С. 131–132.

⁷³ Там же. С. 118.

вущих «обществом» по определенным законом правилам, поскольку не предоставляло им условия «делать то, что каждому надлежит хотеть», а «принуждало» совершать то, «чего хотеть не должно» (ст. 37, 156)⁷⁴.

В проектах 1780-х—1790-х гг., касавшихся реорганизации высших органов управления, Екатерина II еще раз требовала неукоснительного следования «слову» закона со стороны государственных инстанций разного уровня. В рамках судебной системы с этой целью планировалось учредить должность «законоведца», сфера компетенций которого была очерчена императрицей в проекте «О узаконениях вообще», составленном в 1785—1787 гг. По мысли императрицы, в ведении «законоведца» должно было находиться «надзиранье прав и правосудие во всероссийской империи»⁷⁵. Будучи «оберегателем изданного узаконения и взыскателем установленного порядка по судебным местам», он должен был возглавить первый департамент Главной расправной палаты⁷⁶, задумывавшийся Екатериной II в качестве вышшего надзорного органа над судами всех уровней⁷⁷. Обладая «совершенным знанием» законодательства империи, «законоведец», «аки уста закона», мог говорить и писать только «словами закона», внимательно следя за тем, чтобы «правосудье отправлялось по точным словам» законодательных актов⁷⁸. В его ведомство поступали также «университеты, училища и школы», где он призван был иметь особое «попечение», чтобы «законы и язык российской в чистоте преданы были ученикам и учащимся»⁷⁹.

⁷⁴ Екатерина II. Избранное. С. 118, 132.

⁷⁵ Там же. С. 638.

⁷⁶ Там же. С. 640.

⁷⁷ «Для надзирание за судом и расправою в учрежденных по губерниям мест, коим суд и расправа вверены, полагается законоведец... Законоведец должностю имеет строго и точно взыскание чинить со всех ему подчиненных судебных мест и людей во исполнение законами предписанное; но без суда да не накажет никого; преступников законов и должностей да отошлет куда по узаконениям следует для суда» (Там же. С. 641).

⁷⁸ Там же. С. 642.

⁷⁹ Там же. С. 641.

В соответствии с проектом «О Сенате», над которым Екатерина II вела работу в 1780-е–1790-е гг., «законоведцу» передавались функции надзора за правильностью применения законодательных постановлений членами Генерального суда — высшей судебной инстанции в государстве. Членам Генерального суда, в состав которого должны были входить представители Сената, Синода, «четырех первых класс империи», а также «председатели государственных и прочих судебных палат или коллегий, налицо находящихся в том месте» (ст. 105)⁸⁰, запрещалось «толковать законы о наказаниях». Им предписывалось судить «точно по словам закона» (ст. 119–120)⁸¹, а «законоведцу» «смотреть» за тем, чтобы «уголовный закон и обряд» «точно и слово от слова наблюдаем был» (ст. 109)⁸². Любым действиям со стороны членов Генерального суда (допрос ответчика, выбор судей и т.д.) предшествовало объявление «законоведцем» «слова закона», которому Генеральный суд обязан был повиноваться (ст. 116, 120, 122). Для этих целей рядом с его местом «на малом столе» полагалось иметь «уголовный закон и обряд уголовных дел» (ст. 108).

Активность Сената также должна была протекать в строгом соответствии с буквой законодательства. «Власть» Сената как «хранилища законов» включала две составляющие: он мог, во-первых, «управлять и решать по силе и словам закона именем императорского величества», во-вторых, обнародовать и объявлять «законы, указы, учреждения, повеления и приказания» государя (ст. 45)⁸³. Схожие требования предъявлялись и каждому департаменту Сената: им предписывалось «порученное дело производить и решать по точной силе и словам закона» (ст. 73, 82, 104)⁸⁴. «Обряд отправления долж-

⁸⁰ Екатерина II. Избранное. С. 589.

⁸¹ Там же. С. 593–594.

⁸² Там же. С. 591.

⁸³ Там же. С. 570.

⁸⁴ Там же. С. 575–576, 580, 589.

ности» членов Сената предусматривал необходимость представления докладов и заключений по тем или иным делам «по точному разуму или словам государственных узаконений» (ст. 69)⁸⁵. В обязанности генерал-прокурора отдельно вменялось наблюдение за тем, чтобы «всякое дело» решалось своевременно и «в силу и по словам закона» (ст. 83)⁸⁶. Он также наделялся правом «полного изъяснения», если члены Сената «не так..., как надлежит», понимали и толковали постановления верховной власти, «или закон, или учреждение, или указ». С точки зрения императрицы, указанная практика способна была гарантировать отсутствие «разногласий» и быстрое решение дел (ст. 73)⁸⁷.

В данном контексте государь как «источник всякой государственной и гражданской власти» («Наказ», ст. 19)⁸⁸, обладающий исключительным правом принятия законов⁸⁹, должен был проявлять особую заботу о том, чтобы законы были «точно и твердо определены» и «от слова в слово разумеемы» («Наказ», ст. 156–157)⁹⁰. Как судьи, так и «народ» должны были понимать язык законодательства. Законы, написанные «известным» подданным языком, «знаемыми» выражениями и «словами, вразумительными для всех», во-первых, позволяли избегать излишних толкований, во-вторых, выполняли превентивные функции, заранее информируя подданных «о непристойностях худого действия», в-третьих, поддерживали общественную целостность, гарантируя

⁸⁵ Екатерина II. Избранное. С. 574–575.

⁸⁶ Там же. С. 580.

⁸⁷ Там же. С. 575–576.

⁸⁸ Там же. С. 116.

⁸⁹ В проекте «Наказа Сенату» 1787 г. Екатерина еще раз подчеркивала, что «во власти Императорского Величества соединены права и преимущества самодержавства», к которому «принадлежит как изстари, так и ныне и на будущие времена законодательство нераздельно». В практическом ключе это означало, что в ведении государя находится «установление, утверждение, распространение, сокращение, отрешение, отменение, возобновление и изъяснение закона» (Там же. С. 614–615).

⁹⁰ Там же. С. 132–133.

безопасность «как до их особы, так и до имения, им принадлежащего, чему так и быть надобно для того, что сие есть намерение и предмет, без которого общество рушилось бы» («Наказ», ст. 156, 448)⁹¹.

В проекте 1785–1787 гг. под условным названием «О узаконениях вообще», который Екатерина II планировала включить в качестве второй части в задумывавшийся ею «Свод государственных установлений»⁹², в первую очередь «слова закона» и «связи слов» способны были внести ясность в смысл постановления, если рождалось «сомнение о понятии какого ни есть узаконения»⁹³. Законы, бывшие «суть гласом и словом императорского величества», в котором соединялось «самодержавство» и которому ради «величия и безопасности империи», а также «каждого подданного лично» «непременно», «нераздельно» и «неотъемлемо» принадлежала «законодательная власть»⁹⁴, надлежало понимать в «простом обыкновенном общенородном смысле предпочтительно грамматическому свойству»⁹⁵. В случае наличия в законодательных актах специальных «технических» или «своиственных какой науке, художеству или ремеслу» терминов значение последних определялось «по смыслу», принятому «людьми в тех наук[ах], художестве или ремесла искусственных»⁹⁶.

«Простой язык» уложения был одним из средств борьбы с преступностью и защиты граждан. «Малая цена» наряду с доходчивым изложением основных статей законов способны были сделать его книгой «весыма употребительную», «наподобие букваря». Параллельно

⁹¹ Екатерина II. Избранное. С. 132, 169.

⁹² Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 352; Он же. Идея конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма»: неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще» // Проблемы политической и правовой идеологии. М., 1989. С. 71–108.

⁹³ Екатерина II. Избранное. С. 634.

⁹⁴ Там же. С. 615 («Наказ Сенату»).

⁹⁵ Там же. С. 634 («О узаконениях вообще»).

⁹⁶ Там же.

с этим уложению присваивались образовательные и воспитательные функции: обучение грамоте в школе должно было производиться «попеременно» из книг церковного характера и «тех..., кои законодательство содержит». «Чтение» и «разумение» последних являлось одним из гарантов защиты гражданина от любого рода произвола: представляя весь спектр «следствий, сопряженных с собственными своими делами и касающихся до его особы и вольности», подданный, и это подчеркивалось еще раз, признавался зависимым только от закона, а не от «некоторого числа людей», присвоивших себе право «хранения» и толкования законодательства («Наказ», ст. 158)⁹⁷.

«Простота» языка законодательных определений, долженствующих нести в себе «чистосердечие», «великую добродетель и незлобие», мыслилась в виде набора конкретных характеристик. Прежде всего законодателя призывали избегать «неизвестных», «витиеватых, гордых или пышных», а также «околичных выражений», «неопределенных речей» и «надутого и высокопарного слога». В совокупности все это лишало законодательство смысла и превращало его в свидетельство «высокомерия и гордости» («Наказ», ст. 455–456, 459)⁹⁸. Напротив, язык законов должен был быть «краток» и «прост» («Наказ», ст. 454)⁹⁹.

Примером такого языка, с точки зрения императрицы, являлось Соборное уложение 1649 г., «слог» которого Екатерина II считала «по большей части ясным, простым и кратким», а слова «внятными и самому посредственному уму». Императрица отмечала, что сама Соборное уложение

⁹⁷ Екатерина II. Избранное. С. 133. Схожие идеи присутствовали в наказе от «Главной полиции» в Уложенную комиссию 1767–1774 гг. Пункт 373 наказа настаивал на необходимости «запретить» продавать «церковные» и «учебные» книги, а также «законы военных и гражданских дорогую цену». Пункт 374 предлагал «гражданских и военных законов по книгам учить при словесных науках, обще с законами о вере, дабы с младенчества каждому умеющему грамоте все правы известны были» (СИРИО. СПб., 1885. Т. 43. С. 357).

⁹⁸ Там же. С. 170.

⁹⁹ Там же.

«с удовольствием слушала... [и делала] из оного выписи» («Наказ», ст. 457). Образцом мог служить и «Воинский устав», дававший, как полагала императрица, приемлемые примеры того, каким образом могут даваться «изъяснения и толкования» отдельных статей «для судящих» («Наказ», ст. 448)¹⁰⁰. Законодатель, однако, должен был с осторожностью вводить в текст указов разного рода пояснения, поскольку последние могли «более затмить, нежели объяснить случай», приводя к необходимости «еще больших подробностей» («Наказ», ст. 449–450)¹⁰¹.

Язык действующего российского законодательства представлялся «хорошим» не только Екатерине II. Как известно, весной 1766 г. через графа Григория Григорьевича Орлова начальная версия «Наказа» была передана для прочтения ряду лиц, среди которых были Александр Петрович Сумароков и Василий Григорьевич Баскаков¹⁰². С точки зрения А.П. Сумарокова, Соборное уложение 1649 г. не содержало в себе «чужих слов» и «склад» его был «вразумителен». Поэтому при составлении законов необходимо было «приближаться» к «старому нашему складу», который был, безусловно, «лучше»¹⁰³. «Писать» законы следовало «ясно» и «не очень мудрено», а не «высокопарно». Последнее, хотя и было «легко и казисто», но в итоге становилось источником приказной волокиты, которая проистекала от «бестолковых писцов» и «крайводушных толков»¹⁰⁴.

Схожую точку зрения высказывал С.Е. Десницкий в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», которое было «говорено» в Московском

¹⁰⁰ Екатерина II. Избранное. С. 169. В начальной части проекта закона «Об оскорблении величества» (1774–1775 гг.) Екатерина II использовала принцип компоновки материала «Воинского артикула» и «Краткого изображения процессов и судебных тяжеб» (См.: Там же. С. 358–359).

¹⁰¹ Там же. С. 169.

¹⁰² Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 81.

¹⁰³ А.П. Сумароков отдельно указывал, что «наши предки лучше нас писали», подчеркивая, что он «себя в число нынешних российских писателей» не «полагает» (Екатерина II. Избранное. С. 214).

¹⁰⁴ Там же. С. 214. Подобные высказывания В.Н. Татищева и М.М. Щербатова см.: Живов В. М. История русского права. С. 264–266.

университете 30 июня 1768 г. Рассуждая об особенностях развития «российской юриспруденции», к которой не прилагалось «особое старание», и о причинах отсутствия в современной ему России «сокращенных по примеру других государств наставлений законов», он увязывал и то, и другое со спецификой языка права. Будучи созданы «на природном языке», «старинные сводные уложения», а также «российские указы» были понятны всем и не требовали особых толкований, как это было «в законах феодальных¹⁰⁵ правлений». Как отмечал С.Е. Десницкий, «у нас не было и издревле ни в тяжбенных, ни в криминальных делах таких невразумительных латинских и французских слов, каковые приняты в Англии»¹⁰⁶ и значительно затрудняют деятельность всей судебной системы¹⁰⁷.

Итак, законы, главная функция которых состояла в том, чтобы «препятствовать человеку вредить ближнему» и «указывать» гражданам границы дозволенного¹⁰⁸, должны были быть прозрачны в смысловом отношении и написаны на «простом» языке. «Ясный», «точный», понятный народу «глас закона» выступал в качестве одного из условий оптимизации и успешного функционирования всей государственной системы. Проявляя особую заботу о «слоге» и «слове» государственных постановлений и стремясь избегать «сомнительных» и «двугласных»¹⁰⁹ выражений, законодатель тем самым гарантировал жизнеспособность и устойчивость всего «гражданского состояния»¹¹⁰.

В более широком контексте взятный и четкий язык законодательства, будучи неотъемлемой составной частью

¹⁰⁵ Так в тексте.

¹⁰⁶ Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. I. С. 209.

¹⁰⁷ Примечателен перевод *habeas corpus*, который дает С.Е. Десницкий, – «закон о личной свободе» (Там же).

¹⁰⁸ Екатерина II. Избранное. С. 648 («О узаконениях вообще»).

¹⁰⁹ Там же. С. 634–635.

¹¹⁰ Там же. С. 648.

национального языка, должен был упрочить международное положение страны. По мысли Екатерины II, три фактора умножали «силы державы»: слава, власть и правосудие «царя» (*«Наказ»*, ст. 519)¹¹¹. В «Записках, касательно российской истории» императрица добавила к ним заботу о языке. Отмечая заслуги княгини Ольги, она особо выделяла введение «во употребление общее» славянского языка, который был «утвержден» посредством принятия «святого крещения» и перевод церковных книг с «греческого языка на славянский язык». Это способствовало тому, что «народ славянский возвысился». В целом «распространение» и «умножение» «народа и языка» ставилось императрицей в прямую зависимость от «мудрости и тщания выших правителей»: «благоразумный» государь, проявляя «прилежание» к «чести» и «языку» «своего народа», тем самым способствовал процветанию нации¹¹².

Исходя из концепций развития русского литературного языка (язык права был его частью¹¹³), утвердившихся с 40-х гг. XVIII в. в России и сформировавшихся под сильным влиянием французской классицистической мысли¹¹⁴, указанное «тщание» не в последнюю очередь предполагало очищение языка от всякого рода заимствований. Как отмечал В.М. Живов, к середине XVIII в. «поношениe заимствований... становится общим местом российской филологии»¹¹⁵, а «борьба» с ними «актуальной» задачей «языкового строительства»¹¹⁶. Как указывал М.В. Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757–1758 гг.¹¹⁷), «входящие к нам из чужих языков» понятия и термины были ни чем иным, как «странными и дикими» «нелепостями» и «неприличностя-

¹¹¹ Екатерина II. Избранное. С. 178.

¹¹² Екатерина II. Российская история. Записки великой императрицы. М., 2008. С. 62.

¹¹³ Живов В.М. Язык и культура. С. 123.

¹¹⁴ Там же. С. 171–183, 290–307.

¹¹⁵ Там же. С. 297.

¹¹⁶ Там же. С. 296.

¹¹⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 892.

ми», искажавшими «собственную красоту нашего языка». Очищение «природного языка» способно было утвердить его «в полной силе, красоте и богатстве»¹¹⁸.

Подобный пуританский подход являлся следствием переосмысливания места и роли России в Европе: с елизаветинского царствования в процессе «поисков национального самосознания»¹¹⁹ Россия стала мыслиться как равноправная часть Европейского ареала¹²⁰, соответственно в европейской культуре свои места заняли русская культура и русский язык. В «Наказе» данное положение было одним из основополагающих. Первая глава открывалась с утверждения, что «Россия есть европейская держава». Это доказывалось легкостью, с которой были реализованы петровские преобразования. Они «получили успех», поскольку Петр I вводил «нравы и обычаи европейские в европейском народе» (ст. 6–7)¹²¹. Следовательно, русский язык, во-первых, по своему статусу был равен «другим культурным языкам Европы», а во-вторых, являлся полифункциональным, т.е. способным адекватно выражать и передавать «все разнообразие понятий и явлений», а также «любых коль угодно сложных материй»¹²². В этом контексте освобождение от «иноязычных элементов» связывалось с утверждением самодостаточности российского языка¹²³.

«Простота» и «чистота» языка законов приобретали особую актуальность в свете деятельности открывшейся 30 июля 1767 г. Уложенной комиссии, главная задача которой состояла в выработке кодекса права. Новое уложение должно было реализовать основные языковые установки, сформулированные в «Наказе», и сделать «глас закона» понятным народу. Со своей стороны Екатерина II стремилась

¹¹⁸ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 591.

¹¹⁹ Живов В.М. Язык и культура. С. 270.

¹²⁰ Там же. С. 163–165, 268–269.

¹²¹ Екатерина II. Избранное. С. 115.

¹²² Живов В.М. Язык и культура. С. 269, 271.

¹²³ Там же. С. 296.

достичь языковой прозрачности уже в «Наказе». Так, императрица полностью приняла все предложения В.Г. Баскакова, касавшиеся малопонятных, с его точки зрения, выражений. Передавая графу Г.Г. Орлову свои замечания на «Наказ», Баскаков указывал, что «в сей же тетради» им было выписано «малое число слов», которые могут быть «невразумительны». Он предлагал свои эквиваленты¹²⁴, по поводу которых Екатерина II дала однозначное распоряжение: «Все сие безспорно принимать»¹²⁵. В «Окончании» «Наказа», предупреждая возможные упреки в неясности и непонятности («может случиться, что некоторые, прочитав сей Наказ, скажут: не всяк его поймет»), она подчеркивала, что адекватное восприятие текста требует со стороны читающего определенных усилий: «прилежания», «радения» и неоднократного прочтения. В связи с этим для лучшего усвоения «глав и статей» их предписывалось читать в общем собрании и частных комиссиях «одинажды в начале каждого месяца» (ст. 523–526)¹²⁶.

Подготовительные материалы «Начертания о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения» свидетельствуют о том, что «чистота» и «простота» языка права осознавались Екатериной II в качестве важнейшей задачи. В черновых вариантах «Начертания...», перера-

¹²⁴ «Безразлично употреблено видится вместо немецкого *gleichgültig*, а французского *indifférent*, что не всякому взаимительно будет, а свойственнее кажется написать **неуважительно, брезважно**; впрочем о человеке говорится, естьли он не уважает и приемлет за равно, или что его не трогает, равнодушно, беспристрастно, нечувствительно.

Не богохулье, а богохуление.

Обратное **воздаяние** многим быть может не взято, а лучше кажется употребить **возмездие равномерное, или воздаяние за зло**, или же просто **законное отмщение**.

На 39-м листе написано **несжимными очами**, а лучше кажется употребить **недремлющими**.

Также в некоторых местах употреблено слово **важность** вместо **величавости или спеси** (Екатерина II. Избранное. С. 208–209).

¹²⁵ Там же. С. 208

¹²⁶ Там же. С. 178. В Уложенной комиссии указанное предписание императрицы последовательно выполнялось (Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 150). См., к примеру: РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 122. Ч. 1. Л. 3.

батывая «Опыт...» графа А.П. Шувалова, Екатерина II стремилась найти замену всем словам иностранного происхождения, отмечая их знаком «NB». В «составе II» «О установлении правосудия вообще» ч. I «О праве общем» в разд. 1 «О обряде деяний» вместо слова «акты» императрица предлагала использовать «дела», «поступки», «действия при деле», «делание»; вместо «терминов» — «слова и выражения»¹²⁷. В «составе I» той же части, где речь шла о создании духовно-гражданской комиссии, вместо слова «конференция», употребленного графом А.П. Шуваловым, для характеристики ее взаимодействия с Синодом и Комиссией о духовных имениях, императрица ввела сочетание «разсуждения, сношения, советы», которое затем вошло в окончательную редакцию «Начертания...». При этом она отклонила вариант Г.В. Козицкого — «разглашательство»¹²⁸. Видимо, к этому же времени относится записка Козицкого, представившего императрице перевод ряда слов иностранного происхождения из самых разных областей. К примеру, были даны гlosсы следующим словам: «регулярный — правильный», «нерегулярный — неправильный», «публичный — народный», «партикулярный — частный», «нatura — природа, естество»¹²⁹.

Последовательный отказ Екатерины II от использования слова *криминальный* в законодательных актах и законопроектных материалах был одним из проявлений языкового пуританства применительно к области права и процесса. Понятие *криминальный* не удовлетворяло ни одному из требований, предъявлявшихся к языку законодательства. Во-первых, это было «чужое слово», во-вторых, будучи многозначным в смысловом отношении, оно не обладало «внятностью» и «вразумительностью» для всех, в-третьих, находилось на периферии употребления и, как следствие, требовало замены.

¹²⁷ Цит. по: Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II... С. 10.

¹²⁸ Цит. по: Там же. С. 9.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 414. Л. 3.

III

В 1774 г. работая над переводом проекта Ф. Бемера «Criminal-Prozess-Ordnung», Г.В. Козицкий избегает слова *кriminalный*, которое выглядело бы естественным в данном контексте. Он предлагает переводить «*criminal*» как «преступнический или розыскной», в целом следуя предшествующей традиции трактовки термина *кriminalный*. Екатерина II отказывается и от одного, и от другого словоупотребления. С ее точки зрения, наиболее адекватной глоссой является *уголовный*, слово, которое, как уже отмечалось, императрица впервые употребляет в рамках законодательного дискурса в «Начертании...» 1768 г.

В языковой узус слово *уголовный* входит значительно раньше. Впервые оно фиксируется в 1731 г. в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана. В «Лексиконе» словосочетание «уголовное дело» употребляется в контексте рассмотрения значений слов, происходящих от немецкого *zeben* и латинского *vita, anima* и переводящихся как «живот, душа, жизнь, свет». Как «уголовное дело», «уголовная беда» переводится немецкое “*es trifft zeibund zeben an*” и латинское “*est res capitalis*”. Данный термин используется также при переводе словосочетаний, относящихся к тюремному заключению, — “*conjectum esse in vincul capitās causa*” / «за уголовное дело в тюрьму посажену быти, в уголовном, в головном деле держатися»¹³⁰. Открытым остается вопрос о сферах бытования слова *уголовный*. Специфика исторических источников первой половины XVIII в. не дает возможности реконструировать бытовой дискурс. Возможно, данный термин относился к «ведомым словам», которые, как писал М.В. Ломоносов, «хотя обще употребляются мало, а особенно в разговорах; однако всем грамотным людям вразумительны»¹³¹.

¹³⁰ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми начала-ми русского языка к общей пользе. СПб., 1731. С. 367.

¹³¹ Цит. по: Живов В.М. Язык и культура. С. 294.

В рамках законопроектного дискурса слово *уголовный* фиксируется осенью 1767 г. Это подтверждают делопроизводственные материалы Уложенной комиссии, в которых во всех случаях *кriminalnyy* и *уголовный* выступают как синонимы. На заседании 5 сентября 1767 г. Дирекционная комиссия, один из руководящих органов Комиссии о сочинении проекта нового Уложения¹³², апробировала так называемое «Большое наставление», в котором содержались предписания относительно основных направлений деятельности «юстицкой»¹³³ частной комиссии (впоследствии переименована в комиссию «О правосудии вообще»¹³⁴). Последняя была образована решением Большого собрания 24 сентября того же года¹³⁵. В соответствии с «наставлением» комиссия должна была «сочинить: 1) *уголовную*, или *кriminalную* (курсив мой. — Г.Б.) главу, и 2) суд, или росправу, и порядок суда»¹³⁶.

Протоколы Дирекционной комиссии, в которую были выбраны граф И.Г. Орлов, граф З.Г. Чернышев, митрополит Новгородский Дмитрий, Д.В. Волков и Н.Е. Муравьев¹³⁷, не позволяют установить, кто из ее членов стал инициатором включения слова *уголовный* в «Большое наставление». Отметим, что в плане Дмитрия Васильевича Волкова, который на заседании 28 августа 1767 г. был взят за основу «кодификационных предложений»¹³⁸ Дирекционной комиссии, ч. 3 нового уложения должна была составить книга «юстицкая вообще, содержащая в себе суд и криминальные дела»¹³⁹.

В «юстицкой» комиссии употребление слова *уголовный* не стало приоритетным. Так, на пятом заседании

¹³² Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 137–138.

¹³³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 114. Ч. 1. Л. 68–68 об.

¹³⁴ Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 148; Он же. «Законная монархия». С. 163.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Кн. 1. Л. 10 об.

¹³⁷ СИРИО. Т. 4. С. 68–69.

¹³⁸ Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 149.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 1. Л. 7 об.

комиссии, 11 октября 1767 г., был заслушан «поданный господином депутатом Шварцом проект криминальному праву и процессу в гражданских делах»¹⁴⁰. На десятом заседании комиссии, 25 октября 1767 г., член комиссии Василий Бибиков читал «взятую от секретаря Вешнякова выписку, учиненную по второй части о криминальных делах»¹⁴¹. На тринадцатом заседании, 6 ноября 1767 г., утверждался план «криминальной главы»¹⁴². 28 июля 1769 г., приостановив составление «судной части», комиссия приняла решение начать разработку «криминальных глав»¹⁴³. Члены комиссии могли использовать только термин *уголовный*, в ряде случаев считая необходимым уточнить его значение посредством привлечения синонима. В «Плане частной юстицкой комиссии», который был передан на рассмотрение Дирекционной комиссии в начале октября 1767 г., предполагался раздел «порядка суда уголовного»¹⁴⁴. В части «А» «Плана...», касавшегося классификации преступных деяний, содержалось «прибавление» относительно правонарушений, не относящихся к деликтам данного рода, и отягчающих и смягчающих обстоятельств: «когда в преступлениях бывают обстоятельства, которые не точно суть преступления, однако же в уголовном, или криминальном праве должны примечанием быть»¹⁴⁵. В конце июля 1769 г. члены комиссии «имели рассуждение о начатии сочинения уголовного права, или о преступлениях»¹⁴⁶.

В определенной степени синонимия *криминальный* и *уголовный* была следствием частичного совпадения

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 122. Ч. 1. Л. 5.

¹⁴¹ Там же. Л. 10.

¹⁴² Там же. Л. 13 – 13 об.

¹⁴³ Там же. Д. 122. Ч. 3. Л. 48.

¹⁴⁴ Цит. по: Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 205.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 224–224 об.; опубликовано: Омельченко О.А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века. 1-я ред. // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: Сб. статей. М., 1986. С. 45.

¹⁴⁶ Цит. по: Омельченко О.А. Уголовная политика. 2-я ред. С. 152.

смысловых полей данных терминов. В первой половине XVIII в. и *кriminalный*, и *уголовный* в одном из своих значений определяли деяния, влекшие за собой смертную казнь. «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана издания 1731 г. в качестве синонима *уголовный* использовал слово «головной»¹⁴⁷. В русском праве XII–XVI вв. он прилагался к преступлениям, отягченным убийством: головная татьба/воровство, сопровождавшееся убийством; головной тать/вор, обвиняющийся в краже с убийством. «Головником» называли убийцу¹⁴⁸. В течение XV в. данный термин уходит на периферию употребления¹⁴⁹.

Сопоставление двух изданий «Лексикона», 1731 и 1782 гг., позволяет понять смысл связки «головный/уголовный» и проследить, как происходила трансформация значения слова *уголовный*. В первом издании латинское “*fraudem admitter capitalem*” трактуется как «безголовие, безголовную беду затевати, делати»¹⁵⁰. В словаре 1782 г. эта же фраза переводится как «уголовное дело, уголовную беду затевати, делати»¹⁵¹. В данной связи встает вопрос о словоупотреблении головного/уголовного: прилагалось ли оно к объекту, как в предшествующей российской традиции, или к субъекту преступления?

Контекст, в котором дан перевод словосочетаний, — среди значений слов, берущих свое происхождение от «палача» и «виселицы», позволяет предположить, что определение *уголовный* прилагалось к субъекту преступного деяния, характеризуя круг санкций, которые влек за собой деликт. Статья, в которой дается перевод процитированных выше фраз, начинается с выяснения значения понятий “*hendermabig, suspendious*”, т.е. «виселицы

¹⁴⁷ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 367.

¹⁴⁸ Словарь русского языка XVII в. М., 1979. Вып. 6. С. 65; Живов В.М. История русского права. С. 200–201.

¹⁴⁹ Живов В.М. История русского права. С. 213–214.

¹⁵⁰ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 289.

¹⁵¹ Вейсманов немецкий лексикон с латинским, переложенный на российский язык. СПб., 1782. С. 342.

годен»¹⁵² (1731 г.) или «виселицы достоин»¹⁵³ (1781 г.). Таким образом, «уголовное дело» — это преступление, караемое виселицей, а в более широком смысле — смертной казнью.

Это подтверждает сопоставление перевода термина “halsgericht, criminale judicum”. В издании 1731 г. ему подобрано значение «смертное осуждение»¹⁵⁴, в издании 1782 г. — это «смертный приговор, суд, судный приказ по делам уголовным»¹⁵⁵, т.е. *уголовный* в данном контексте — синоним *достойный смерти*. Причем в «Лексиконе» 1782 г. происходит расширение смыслового наполнения *уголовный* — это не только заслуживающий смертной казни, но и вообще любого жестокого наказания. Об этом свидетельствует добавление к немецкому “hendermabig” латинского синонима “*magna crue dignus*”, т.е. заслуживающий жестокой кары¹⁵⁶.

В словарях Э. Вейсмана термин «головный/уголовный» использовался не в традиционном для предшествующей правовой практики смысле: вектор его значения был смешен с характеристики преступного действия в сторону определения санкций, за него полагающихся. В таком словоупотреблении слово *уголовный* и его производные (*уголовщина*) были зафиксированы в «Словаре Академии Российской»: «уголовный говорится в отношении к преступлениям, заслуживающим смертной казни»; «уголовщина — злодеяния, за которые смертная казнь положена»¹⁵⁷. В этом издании синонимичными полагались слова «уголовный» и «безголовный», причем отдельно подчеркивалось, что первое пришло на смену второму, устаревшему: «безголовный старин., см. *уголовный*»¹⁵⁸.

¹⁵² Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 289.

¹⁵³ Вейсманов немецкий лексикон. С. 342.

¹⁵⁴ Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. С. 273.

¹⁵⁵ Вейсманов немецкий лексикон. С. 320.

¹⁵⁶ Там же. С. 342.

¹⁵⁷ Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб., 1790. Ч. II. Стб. 183–184.

¹⁵⁸ Там же. Стб. 182.

Отмечаемая синонимия *кriminalnyy* и *уголовnyy*, а также трактовка последнего (в делопроизводстве Уложенной комиссии) через обращение к термину *преступление* и его производным не снимают вопроса о причинах, побудивших Екатерину II из ряда синонимов *кriminalnyy* (*розыскной* и *уголовный*) остановить свой выбор на последнем, параллельно отказавшись от экспликации материальных правоотношений через понятие *преступнический /преступительный*. Они также не проясняют смыслового наполнения данного понятия в представлении императрицы. Вероятно, введение слова *уголовный* в официальный язык законодательства было следствием, во-первых, несовместимости поля значений термина *розыскной* и основных положений уголовноправовой доктрины екатерининского царствования, а во-вторых, несовпадения спектра коннотаций *уголовный* и *преступнический/преступительный*.

IV

Слово *розыскной* в словосочетании *розыскные дела* предполагало использование отдельного типа уголовного процесса — «розыска»¹⁵⁹. В России отделение сыска/розыска от суда связывают с эпохой судебников, до которой судопроизводство было обвинительным¹⁶⁰. Считается, что процедура сыска выросла из «особого процесса для дел разбойных», к которым затем были добавлены дела по убийству и татьбе с поличным. Дела, которые решались сыском, не являлись чисто уголовными. Границы между «судом» и «розыском» не совпадали с границами уголовного и гражданского судопроизводства по современному праву: по Соборному уложению 1649 г. через розыск должны были расследоваться все преступления против ве-

¹⁵⁹ В «Словаре Академии Российской» словарная статья *розыскный* в качестве второго значения указывала «розыску подлежащий», приводя как пример сочетание «розыскные дела» (Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. III. Стб. 338–339).

¹⁶⁰ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 189.

ры, государственные преступления и преступления против установленного порядка управления, разбой, татьба, кормчество, а также гражданские «крепостные» дела¹⁶¹. «Суд» как отдельная судебно-следственная форма был отменен указом от 21 февраля 1697 г., предписывавшим «суды и очные ставки отставить», заменив их «розыском» по делам, возбужденным «по челобитью всяких чинов людей» и касавшимся «всяких обид и... разоренья», а также «брации», «безчестья», «бою» и «увечья»¹⁶². В 1723 г. Петр I предпринял попытку восстановить состязательные начала в процессе. Известный указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» устанавливал «токмо один суд», повелевая «не различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск»¹⁶³. «Розыск», однако, не уничтожался: его юрисдикция распространялась на все государственные преступления («измены», слова, «противные на его императорское величество и его императорского величества фамилию», бунт¹⁶⁴), большинство общеуголовных дел (смертоубийство, разбой и кража с поличным), а также на богохульство и «церковный мятеж»¹⁶⁵.

Розыскной процесс, «розыск» как порядок производства и разбирательства дел, в рамках которого «функции уголовного преследования, защиты и функция принятия решения ... сливаются в деятельности одного государственного органа»¹⁶⁶, ни в коей мере не соответствовал ясно обозначенной уже в первых указах Екатерининского царствования интенции власти сделать судебно-следственную систему более эффективной, прозрачной¹⁶⁷

¹⁶¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 604; Сыромятников В.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 132–134.

¹⁶² ПСЗРИ 1. Т. 3. № 1572.

¹⁶³ Там же. Т. 7. № 4344.

¹⁶⁴ Там же. № 4344, п. 5.

¹⁶⁵ Там же. № 4713.

¹⁶⁶ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 112.

¹⁶⁷ В так называемой «Особой тетради», собственноручных выписках, которые великая княгиня Екатерина Алексеевна делала в 1758–1761 гг., она, в частности, отмечала: «Преступление и производство дела должны быть

и нацеленной на «оправдание, нежели наказание всякого виновного»¹⁶⁸.

Розыскной процесс преследовал иные цели. Нося обвинительный характер, «розыск» исходил из фактической премиссии виновности¹⁶⁹: при его производстве важна была не защита попавшего под следствие подданного, а выяснение фактов нарушения безличной воли закона. Задача «розыска» состояла в том, чтобы доказать вину, используя ряд следственных мероприятий, среди которых значительную роль играли разные степени физического воздействия. Как в январе 1723 г. представлял Петру I в «докладных пунктах» генерал-майор Григорий Петрович Чернышев, «надлежит розыскивать, понеже без розыску вину на себя не многие скажут»¹⁷⁰. Подследственный выступал как «объект исследования»¹⁷¹, своего рода инструмент, посредством которого судебно-следственные органы надеялись раскрыть преступление и «установить истину»¹⁷². Указы предписывали производить розыскные действия *кем-то*: «теми людьми... розыскивать», «к тому приличными людьми... розыскивать», «о том розыскивать, кем надлежит», «в тех деревнях прикащики и старостами розыскивать», «оными розыскивать вправду», «такими розыскивать»¹⁷³ и т.д.

При расследовании «обязанность доказывания» невиновности возлагалась на подозреваемого. При этом система доказательств носила формальный характер, поскольку считалось «непререкаемым, что признание подозреваемым своей виновности есть наиболее совершенное доказательство»¹⁷⁴. В ряде случаев «за основу дока-

глашены для того, чтобы общество (которое всегда судит беспристрастно) могло распознать правоту» (*Екатерина II. Избранное*. С. 43).

¹⁶⁸ Там же. С. 50.

¹⁶⁹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 127–128.

¹⁷⁰ ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4145, п. 1.

¹⁷¹ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 112.

¹⁷² Там же. С. 128.

¹⁷³ ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4139 (п. 4–7), 4145, 4196, 4248, 4267 и т.д.

¹⁷⁴ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 129. Пункт 1 гл. 2 «О признании» «Краткого изображения процессов и судебных тяжеб» указывал, что «когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальнего доказу не требу-

зывания» принимались данные под пыткой показания¹⁷⁵. Пытка имплицитно предполагалась в рамках розыскного типа процесса, но не была равна ему¹⁷⁶.

С одной стороны, розыск означал следствие¹⁷⁷. Так, в мнении, представленном при обсуждении в Сенате возможности использования «Краткого изображения процессов и судебных тяжб», «военных процессов», которое происходило весной—летом 1765 г., сенатор граф Роман Илларионович Воронцов, отдельно отмечал: «что касается до слова розыск, то я почитаю, что оное не что иное значит, как то, что ныне называется следствием»¹⁷⁸. С другой стороны, розыск выступал синонимом пытки. Это фиксирует набор значений, которые в XVIII в. вкладывались в понятие *розыск*. «Словарь Академии Российской» выделял два значения указанного слова. Во-первых, *розыск* понимался как «прилежное разобранье, изследование, испытание истинны, точности в чем». Во-вторых, «особенно», данное слово означало «пыточный допрос, пристрастной расспрос, пытку»¹⁷⁹.

Данные следственные методы являлись неотъемлемой частью розыскного процесса. Указы отдельно оговаривали случаи, когда «розыск» мог ограничиться только допросами. К примеру, именной объявленный из Сената указ от 7 апреля 1723 г., который предписывал в кратчайшие сроки окончить дела о «прописках» и утайке душ,

ет, понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света» (ПСЗРИ 1. Т. 5. № 3006).

¹⁷⁵ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 119.

¹⁷⁶ Там же. С. 119, 128.

¹⁷⁷ См.: ПСЗРИ 1. Т. 3. № 1572, 1576; Т. 7. № 4139 (п. 1–2, 4), 4145, 4166, 4176, 4212, 4243, 4345, 4375 и т.д.

¹⁷⁸ Сенатский архив. СПб., 1913. Ч. XV: Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. С. 725. На практике «следствие» могло отделяться от розыска и предшествовать ему. Пункт 3 «Инструкции главным сыщикам» от 19 ноября 1756 г. предписывал всех, подозреваемых в том, что они «злодеи», «не смотря ни на какие персоны... следовать накрепко, и по подлинному исследованию, кто в том изобличены будут, теми накрепко розыскивать, а ежели дойдут до пытки, то и пытать» (ПСЗРИ 1. Т. 13. № 10650, п. 3).

¹⁷⁹ Словарь Академии Российской. Ч. III. Стб. 338.

позволял «розыски следовать допросами, а чего допросами исследовать будет нельзя, о том розыскивать со временем»¹⁸⁰.

Подобным отождествлением характеризовался не только законодательный, но и делопроизводственный и бытовой дискурсы. В делопроизводстве Сыскного приказа, с 1730 по 1763 г. являвшегося главной судебной инстанцией по «розыскным» делам в Москве и Московском регионе¹⁸¹, «розыск» и «пытка» выступали как синонимы. Принятие решения о пытке подозреваемого могла сопровождать пометка секретаря «к розыску». «Розыск» и «пытка» употреблялись как синонимы в пыточных протоколах при указании присутствовавших при пытке членов Сыскного приказа («при том розыске были...») или характера данных показаний («а с подъему и с третьего розыску... [показал] то же, что в роспросе и з дву розысков»)¹⁸².

Та же синонимичность фиксируется и в дворянских наказах в Уложенную комиссию 1767–1774 г. Так, дворянство Ефремовского уезда, апеллируя к «милосердию Ее Императорского Величества», настоятельно просило «розыскам по прежним установлениям быть в воеводских канцеляриях». Дворяне ссылались на «высочайшее соизволение», по которому «розыски» были переданы в «губернии и провинции»¹⁸³. Речь шла об именном указе от 15 января 1763 г., в соответствии с которым «впадших в преступление» надлежало «обращать к истинному признанию милосердием и увещеванием», используя пытку как крайнюю меру. В том случае, если последняя была «неминуема», ее разрешалось применять только в про-

¹⁸⁰ ПСЗРИ 1. Т. 7. № 4192. Именным объявленным из Сената указом от 13 апреля 1723 г. его действие было распространено на черносотных крестьян (Там же. № 4194); подтвержден Сенатом 15 июля 1723 г. (Там же. № 4267).

¹⁸¹ Там же. Т. 8. № 5597; Т. 16. № 11989, п. 20.

¹⁸² РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 481. Л. 6 об., 9, 9 а; Д. 957. Л. 14, 21; Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки...» С. 20.

¹⁸³ СИРИО. Т. 68. С. 471. См. также наказ от дворянства Новосильского (п. 9) (Там же. С. 490–491), Крапивенского уездов (п. 16) (СИРИО. Т. 8. С. 561).

винциальных и воеводских канцеляриях¹⁸⁴. Неслучайно в словарной статье *розвыскный* «Словаря Академии Российской» пытка указывалась в качестве первого значения слова: «производящий розыск, пыточный»¹⁸⁵. Соответственно, прилагательное *розвыскная* трактовалось как «судебное место, где пытки производимы были»¹⁸⁶.

Понимаемый таким образом розыск входил в противоречие с намерением Екатерины II проявлять «милость» и «снисходительность» в уголовно-процессуальной сфере. «Примирительный дух властителя» наряду с «политической вольностью», как писала великая княгиня Екатерина Алексеевна в записках 1758–1761 гг., способны были сделать отчество «любезным» для подданных и тем самым «вдохновить» их к преобразованиям, действуя более эффективно, чем преследующие ту же цель «миллионы законов»¹⁸⁷. В 1762 г., делая выписки из *“Mélanges de littérature, d’histoire et de philosophie”* Д’Аламбера, Екатерина еще раз подчеркивала, что государь может «смягчать... прощением» «суворость» действующего законодательства. Ему, однако, «никогда» не следовало «освобождать» себя от законов ради «жестокости». Законы государства, будучи «хорошо запечатленным в сердцах людей» «гласом природы», должны были быть «священными» для властителя: защищая подданных, закон «дос-

¹⁸⁴ ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12345. Об отмене данного указа просило дворянство не только Ефремовского и Новосильского, но и Алаторского, Верейского, Касимовского, Козловского, Крапивенского, Чухломского уездов (СИРИО. Т. 4. С. 377; Т. 8. С. 561; Т. 14. С. 479–481; Т. 68. С. 117, 417–418, 453). Примечательно обоснование, которое дали дворяне Алаторского уезда, настаивая на необходимости пытать преступников: «А которые злодеи пойманы и приведены будут в канцелярию, и о том в злодействах спрашивать с увещеванием от священника, кое признание, хотя последовать и может, но просвещенному и политизированному народу, а российский народ, когда который зделаетца злодеем, то есть вор, а паче разбойник, то уже такое окамененное сердце и дух сугубый имеет, что не только священнику, и в розыску, когда его пытают, правды не скажет» (СИРИО. Т. 68. С. 117).

¹⁸⁵ Словарь Академии Российской. Ч. III. Стб. 338.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 339.

¹⁸⁷ Екатерина II. Избранное. С. 49.

ставлял силу и безопасность» государю, гарантируя его устойчивость на троне¹⁸⁸.

Апеллирование к «милосердию» и «милости» — один из основных идеологических лейтмотивов екатерининского царствования. Уже первые именные указы Екатерины II свидетельствовали о том, что именно милость, а не строгость должна стать направляющей силой пенитенциарной политики нового правительства. 30 июня 1762 г. был обнародован именной указ, изданный с целью пресечения начавшихся в Санкт-Петербурге после переворота 28 июня погромов кабаков¹⁸⁹. Ссылаясь на «Наше природное милосердие» и «любовь к... верноподданным», Екатерина II предписывала прекратить погромы, заявляя, что в противном случае «Мы будем доведены строгостию то сокращать, что желаем всегда исправлять единством Нашим материнским попечением», которое есть забота «об истинном Наших верноподданных блаженстве», приравненном в данном случае к «сохранению рассудка, умеренности и воздержания»¹⁹⁰.

Схожие идеи присутствовали в преамбуле указа от 18 июля 1762 г., касавшегося прекращения лихоимства. Указ обещал, что для тех, кто добровольно оставит свою преступную деятельность и покается, не «строгость», столь характерная для русского уголовного законодательства, а «милосердие» может стать направляющей силой при вынесении приговоров¹⁹¹. Та же идея была повторена в преамбуле к Милостивому манифесту,циальному изданному 22 сентября 1762 г. в честь коронации Екатерины II, где конечной целью наказания впервые в истории русского уголовного права объявлялось исправление преступников и приведение к раскаянию «сердец их поврежденных» посредством «милосердия» и «соболезнования»¹⁹².

¹⁸⁸ Екатерина II. Избранное. С. 50.

¹⁸⁹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С.68.

¹⁹⁰ ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11584.

¹⁹¹ Там же. № 11616.

¹⁹² Там же.

В отличие от подобного манифеста Елизаветы Петровны, изданного 15 декабря 1741 г., в котором в качестве мотивационного обоснования его принятия фигурировали чисто субъективные причины «многолетнего здравия» и «благополучного царствования» новой императрицы¹⁹³, Екатерина II связывала манифест с необходимостью поддержания правопорядка в стране, объявляя «милосердие» своим «долгом ... к правосудию»: «Объявляем всенародно. Чтоб познали все Нам верноподданные, сколь далеко простирается Наше Матернее милосердие, то при совершившемся Нашем торжественном короновании и миропомазании, сохраняя, сколь возможно, долг Наш к правосудии, восхотели Мы участниками сделать общей радости впадших в разные преступления, дабы и те, видев, что Мы не строгостию законов (которая всегда будет в крайности и последнее от Нас преступникам оных исправление), но прямым соболезнованием о них и милосердием, желаем сердца их поврежденные возбудить к раскаянию и обратить на путь истины»¹⁹⁴.

«Кротости» наряду с «мудростью» и «силой» следовало стать одним из «оснований» самодержавия. Если «мудрость» запрещала «учинить несправедливое» или отказать кому-либо в «правом суде», то «кротость» мыслилась как начало, «споспешествующее тому же добру», но иными «способами», характер которых не определялся. Задача «силы и власти» состояла в том, что приводить «то и другое в действие»¹⁹⁵.

Впоследствии ссылки на «милосердие» и характеристика Екатерины II как «милостивой» и «милосердной» становятся постоянной темой законопроектов и законодательных постановлений¹⁹⁶ императрицы¹⁹⁷. При этом они

¹⁹³ ПСЗРИ 1. Т. 11. № 8263.

¹⁹⁴ Там же. Т. XVI. № 11667.

¹⁹⁵ Екатерина II. Избранное. С. 655.

¹⁹⁶ ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12560–12561, 12600, 12659 (гл. 32, п. 25), 12673 и т.д.

¹⁹⁷ См., к примеру, проект Екатерины II «Криминальной главы материалов»: «Все гражданские узаконения, коим известные на земли края правятся, суть основаны на правилах, принятые до рождества Христова, когда еще неиз-

выходили за рамки риторических формул: при передаче Сенатом на утверждение Екатериной II приговоров, касавшихся впадших в преступление дворян или смертной казни, она во всех случаях смягчала предлагавшиеся санкции¹⁹⁸.

«Поставляя милосердие за основание законов» и этим «открывая дорогу к достижению правосудия», Екатерина как «Мать Отечества»¹⁹⁹ не могла обращаться к «любезным подданным» на языке угроз. В этом контексте термин *розыскной* не отвечал задачам сохранения «благоденствия, тишины и спокойства Государственных»²⁰⁰, которые в «Наказе» ставились в прямую зависимость от «кроткого и снисходительного правления» (ст. 515)²⁰¹. Понятие о *розыске* также вступало в явный диссонанс с обозначенным в уголовно-правовой доктрине Екатерины II отказом от физического воздействия при проведении следствия.

В ранних заметках, затем в «Наказе» и проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерина II последовательно настаивала на необходимости уничтожить пытку²⁰². С точки зрения императрицы, при использо-

вестны были божественные правила: любить друг друга, как самы себя; не сотвори другому то, чего сам себе не желаешь; остави нам согрешени наши, яко же и мы оставляем должникам нашим; нет пригрешение, от которого чистым покаянием не можно было получить отпущение. Сей дух милосердие закона христианского должен быть чувствителен во всех гражданских узаконениях. И самы Иустиниановы правы и прочих Царей Греческих были основаны не на сих правил, но на римских, кои не везде суровость отмели» (*Екатерина II. Избранное. С.368*).

¹⁹⁸ Бабкова Г.О. Политика Екатерины II в области уголовного права и судопроизводства в 1762–1767 гг. // Фемис: Ежегодник истории права и правоиздания. 2003. М., 2003. Вып. 4. С. 49–58; Она же. «Милосердие» и «милость» в уголовно-правовой доктрине Екатерины II (дело А. и В. Жуковых) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2013. Вып. 5. Режим доступа: <http://www.ipp.kursku.ru/>, свободный (дата обращения 3.01.2014).

¹⁹⁹ См.: Schierle I. Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // Ab Imperio. 2009. № 3. P. 65–93.

²⁰⁰ ПСЗРИ 1. Т. 17. № 12801.

²⁰¹ Екатерина II. Избранное. С. 515.

²⁰² См., к примеру, «Криминальной главы материалов»: «Есть ли винится, зачем пытать. Наказать должно то, что ясно по законам; неприлично лиха думать о человеке, когда нету подозрения, и для того перестать спросить, не учি-

вании пыточных методов законы лишали своей защиты человека невиновного, каковым он являлся до вынесения судейского приговора. На практике рядом именных и сенатских указов января–февраля 1763 г., во-первых, было предписано «кровопролитие уменьшить» и приводить к «чистому признанию милосердием и увещеванием»²⁰³, во-вторых, разрешена только однократная пытка²⁰⁴, в-третьих, ограничено число инстанций, обладавших правом ее применять (только губернские и провинциальные канцелярии)²⁰⁵. Фактически об окончательном законодательном запрещении пытки в следственном процессе можно говорить после указа 13 ноября 1767 г., изданного Сенатом на основании собственноручного указа Екатерины II от 11 числа того же месяца. В соответствии с ним исключительное право решения вопроса об использовании пытки предоставлялось только лично губернаторам, которым следовало руководствоваться гл. X «Наказа», однозначно осуждавшей и запрещавшей применение данного следственного метода²⁰⁶.

Если слово *розвыскной* как эквивалент *кriminalный* не только не способно было адекватно охарактеризовать основные начинания Екатерины II в области уголовного права и процесса, то понятие *преступнический* не отражало специфики деяний, направленных против «безопасности» граждан и «общего положения Государства».

V

В подготовительных материалах к «Начертанию о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложе-

нил ли более – понеже сей вопрос доведет всякое дело до бесконечности» (Екатерина II. Избранное. С. 366). Проект «О узаконениях вообще»: «Подтверждается накрепко запрещение употребление пытки и пристрастных расспросов» (Там же. С. 649).

²⁰³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4918. Л. 230 об.–231.

²⁰⁴ ПСЗРИ 1. Т. 16. № 11750.

²⁰⁵ Там же. Т. 17. № 12345.

²⁰⁶ Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 2. С. 914. См. также: Бабкова Г. О. Политика Екатерины II в области уголовного права. С. 60–73.

ния» Екатерина II указывала, что «в деле уголовном или четвертого рода преступлений исцом особенному человеку быть не следует», «чинить» взыскание могли только «определенные от правительства люди, которые потому делаются народными мстителями»²⁰⁷. Указанный пассаж не вошел в окончательную редакцию «Начертания...», в соответствии с которой уголовные дела могли возбуждать: 1) «народные мстители, и кои на то смотрят, чтоб исследовано и наказано было преступление в нарушении безопасности общего положения Государству или положения гражданину»; 2) «особенный человек». Последнее имело место «по одному только делу гражданскому, которое смешалось с уголовным». Данные деликты надлежали «весъма осторожно различать». Далее она особо подчеркивала, что «судебный обряд дел преступительных» должен был быть «единобразен с судебным обрядом гражданским»²⁰⁸. Таким образом, императрица, с одной стороны, разграничивала «уголовные» и «гражданские» правонарушения по принципу возбуждавшего дело субъекта, а с другой — вводила категорию дел «преступительных», которые отмежевывались от гражданских проступков.

Слово *преступительные* употреблялось в «Начертании...» трижды в сочетании «преступительные дела» (2 раза) и «действие преступительное» (1 раз). Екатерина предписывала комиссии «О правосудии вообще» в «делах преступительных» иметь «зерцалом» гл. VII «О законах подробно» «Наказа». Речь шла о статьях «Наказа», которые подразделяли преступные акты «на 4 рода»: 1) «против закона и веры»; 2) «противу нравов»; 3) «против тишины и спокойства»; 4) «против безопасности граждан» (ст. 69–72)²⁰⁹. В начале части «Г» «Начертания...» Екатерина II не только воспроизвела указанную классификацию, но и дала общее опре-

²⁰⁷ Цит. по: Флоровский А.В. Два произведения императрицы... С. 11.

²⁰⁸ Екатерина II. Избранное. С. 274.

²⁰⁹ Там же. С. 121.

деление преступлений как «дел, колеблющих общий порядок»²¹⁰. В данном контексте «дела преступительные» использовались как «общий» для всех четырех родов преступлений концепт и включали «дела уголовные», которые в черновых редакциях «Начертания...» были отнесены к правонарушениям четвертого типа, т.е «против безопасности граждан». В беловой редакции в них также были включены посягательства на «безопасность общего положения Государства»²¹¹.

В проектах более позднего периода Екатерина II синтезировала понятия *уголовный* и *преступнический*, введя сочетание *уголовное преступление*. В законодательных актах оно впервые фигурирует в «Учреждениях для управления губерний» 1775 г. наряду со связками «уголовное дело», «уголовный суд», «палата уголовного суда». Как родовое определение нарушения закона *уголовное преступление* впервые фиксируется в проекте «Уголовного уложения», над которым императрица работала во второй половине 1770-х–1780-е гг.²¹², активно используя труд английского правоведа Уильяма Блэкстуна «Комментарии на английские законы»²¹³.

Обращение к «Учреждениям для управления губерний», в создании которых императрице принадлежала «конкретная идея и непосредственная разработка» и проекта, и окончательного варианта закона²¹⁴, а также к проекту «Уголовного уложения» позволяет восстановить набор смыслов, которые Екатерина II вкладывала в термин *уголовный*.

²¹⁰ Екатерина II. Избранное. С. 273.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. С. 370–448.

²¹³ См.: Бабкова Г.О. Проект «Уголовного уложения» Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстона. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб., 2011. С. 229–245; Она же. Реформы Екатерины II в области уголовного права в сравнительной перспективе: проект «Уголовного уложения» и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстуна // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сб. статей. СПб., 2013. С. 270–289.

²¹⁴ Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 267–268.

В гл. VI «Учреждений...», определяя сферу компетенции палаты уголовного суда, императрица отнесла к ней «уголовные дела и следственные дела в преступлении должности», трактуя первые в том же смысловом ключе, которой затем был закреплен в «Словаре Академии Российской», т.е. как преступления, «кои подвергают обвиняемого лишению жизни или чести»²¹⁵. В «Учреждениях...», однако, значение понятия *уголовный* расширяется. Екатерина II, во-первых, вводит связку *уголовное преступление*, а во-вторых, предлагает использовать ее для характеристики противоправных деяний, подлежащих не только смертной казни, но и телесным наказаниям. В гл. VII императрица выстраивает субординационную систему соподчинения судебных органов, которые должны были заниматься расследованием уголовных преступлений.

Судебные инстанции нижнего уровня (уездный суд, городовые магистраты и ратуши, нижние расправы) имели право выносить «решительный» приговор только за те преступления, которые не относились к числу *уголовных*, т.е. не подлежали «ни лишению жизни, ни лишению чести, ни торговой казни». В этом случае они выполняли функцию сугубо следственного органа, занимавшегося только «изследованием» дела, которое должно было сопровождаться предложением основанного на «приличных» законах мнения. Вынесение окончательного приговора по делам подобного рода входило в юрисдикцию судебных органов следующего звена (верхний земский суд, городовой магистрат или ратуша, верхняя расправа). Палата уголовного суда выполняла ревизионную функцию (ст. 110–113)²¹⁶.

Екатерина II, таким образом, относила к *уголовным преступлениям* те деяния, которые карались смертью, лишением чести и тяжкими телесными наказаниями. При этом она четко отделяла их от преступления *должности*.

²¹⁵ Законодательство Екатерины II. Т. I. С. 396.

²¹⁶ Там же. С. 397.

Анализ Черновой и Беловой редакций²¹⁷ главы о «личных» преступлениях проекта «Уголовного уложения» позволяет проследить характер эволюции смыслового наполнения связи *уголовное преступление* в представлении императрицы.

Уяснить суть помогает черновой вариант названия раздела уложения о преступлениях против жизни и здоровья индивидуумов — «О преступлении противу человека и нарушении естественного закона правоучении и общества»²¹⁸. Это название перекликается с началом гл. 14 «Об убийствах» т. 4 «Комментариев на английские законы» У. Блэкстоуна. В нем английский правовед теоретически обосновывает необходимость наказания покушений на жизнь и права личности со стороны государства. С его точки зрения, посягательства на частное существование отдельных индивидуумов входят в сферу государственной, а не частной юрисдикции в силу нескольких причин. Во-первых, проступки данного рода нарушают и естественные, и политические законы. Во-вторых, они могут подать дурной пример и, как следствие, иметь пагубные последствия для общественного спокойствия в целом²¹⁹.

В законодательных и законопроектных разработках Екатерины II сочетание *уголовное преступление* имело двойное значение. В широком смысле оно определяло все преступные посягательства на закон. Это подтверждает общая «шапка» для всех перечисляемых в проекте «Уголовного уложения» правонарушений — «уголовное преступление против всенародного права», «уголовное преступление против самодержавной власти» и т.д.²²⁰ Все криминализируемые в проекте уложения деяния относились к уголовным преступлениям совершенно вне

²¹⁷ О редакциях проекта см.: Бабкова Г.О. Проект Уголовного уложения императрицы Екатерины II // Фемис. Вып. 4. С. 157–159.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 703. Л. 63.

²¹⁹ Blackstone W. *Commentaries on the laws of England* by sir. W. Blackstone: In 4 vols. London, 1809. Vol. 4. P.176.

²²⁰ См.: Екатерина II. Избранное. С. 370, 371, 373, 375 и т.д.

связи с характером санкций, которая могла включать весь спектр существовавших в то время наказаний — от смертной казни до тюремного заключения и даже вынесения оправдательного приговора. В узком понятийном ключе термин *уголовный* прилагался к тяжким покушениям на жизнь и имущество индивидуума.

Таким образом, в рамках законопроектов Екатерины II термин *уголовный* и спектр его коннотаций эволюционировали. Слово *уголовный* и связка *уголовное преступление* стали использоваться не для характеристики наказаний, которые влекло совершение деликта, а как общее родовое понятие, определяющее посягательства на закон. Данное смысловое наполнение было зафиксировано в собственноручном проекте Екатерины II «Порядок исследования и суда уголовного дела» (1775–1780-е гг.). В ст. 437 проекта императрица поясняла, «что есть уголовные преступления»: «Уголовные преступления суть действия наивящие законом запрещаемыя, либо неисполнение наивяще законом предписанное, касательно тишины, спокойствие и безопасности общества или граждан...»²²¹.

Появление концепта *уголовное преступление* в области уголовного права свидетельствовало о качественной трансформации правового языка в целом. Как литературный язык должен был обладать универсальностью и полифункциональностью²²², так и язык уголовно-процессуального законодательства призван был унифицировать все возможные разнотечения в определении и tolковании преступных деяний и полагавшихся за них санкций. Языковая новация вводилась через синтез уже существовавших в правовом узусе терминов, значения которых «объединялись» и актуализировались²²³. Новый спектр коннотаций не исключал многозначности, но делал все

²²¹ РГБ НИОР. Ф. 222. Карт. XVIII. Д. 6. Л. 2 об.–3.

²²² Живов В.М. Язык и культура. С. 14.

²²³ Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 43.

возможные употребления кодифицированными. В представлении законодателя, стремившегося очистить язык правоотношений от заимствований и тем самым поставить его в один ряд с европейскими языками, слово *уголовный* и его производные несли достаточную «древность»²²⁴, чтобы быть понятными для всех и гарантировать единство словаупотребления и правоприменения в системе судопроизводства. Являясь частью «сознательной языковой политики»²²⁵, «вновь составленное»²²⁶ словосочетание должно было выполнять «идеологическую функцию»²²⁷, на уровне юридической терминологии эксплицируя основные задачи власти в уголовно-процессуальной сфере.

Изменения в языке права выступали «индикаторами» социальных сдвигов²²⁸. Криминализируя преступные посягательства на закон и увязывая их с сохранением личной безопасности подданных и их прав собственности, власть, с одной стороны, утверждала новые значения, свидетельствующие о переориентации государственной политики в сторону защиты отдельного индивидуума, а с другой — формировала горизонт ожиданий общества нового времени.



²²⁴ Дискуссия о допустимости слов иностранного происхождения развернулась при составлении «Словаря Академии Российской». В результате было принято решение отдавать приоритет «славянским и российским» словам. Екатерина II приняла участие в обсуждении. С ее точки зрения, следовало «избегать всевозможным способом слов чужеземных, а напаче речений, заменяя оные или древними, или вновь составленными» (Цит. по: Чернышева М.И. Построение Словаря Академии Российской // Альманах исследователей Словаря Академии Российской. 2006. Сентябрь–декабрь. С. 2–3).

²²⁵ Живов В.М. Язык и культура. С. 25.

²²⁶ Цит. по: Чернышева М.И. Построение Словаря. С. 3.

²²⁷ Живов В.М. История русского права. С. 270.

²²⁸ Живов В.М. Язык и культура. С. 17; Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России». С. 11.